

EDITA

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ В ВЕСТФАЛИИ

**ВЫПУСК 3(61)
2015**

Содержание

Джон Маверик	3
Александр Барсуков	21
Максим Макаренков	23
Ирина Клеандрова	24
Жаклин де Гё	26
Анна Агнич	30
Светлана Тулина	37
Татьяна Томах	38
Олеся Шмакович	42
Ольга Денисова	43
Леся Ярлова	53
Дэн Шорин	55
Злата Линник	57
Юрий Никитинский	59

Что нового?

<http://www.editagelsen.de/>

<http://edita-b.livejournal.com/>

Импрессум

EDITA, Ausgabe 3(61), 2015

Verleger: Literaturverein „Edita Gelsen e.V.“

Postfach 100304, 45803 Gelsenkirchen

Verantwortlich i.S.d.P. A.Barsukov

E-Mail: logobo@gmx.de

Druck – hauseigener Betrieb

ISSN 1866-6310

Выходит ежеквартально

В связи с увеличением объема критических и полемических материалов редакция сообщает: мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

ОТНОШЕНИЯ

Джон Маверик

Саарбрюккен, Германия

Я, ШАХЕРЕЗАДА

Часть 1

Глава 1

«Вечерет. Небо пустое и смутное, моросит мелкий дождь. А я стою под мостом через речку Блис, привалившись спиной к холодной, покрытой аляповатыми граффити стене, и смотрю на лениво катящиеся в двух шагах от меня мутно-серые, с маленькими пенистыми барашками волны.

Вокруг — ни души, да и кто станет шататься по улицам в проклятую сырость? Непонятно даже, кого или чего я жду в такую погоду. Едва ли мне сегодня вечером хоть что-то обломится, и, пожалуй, самое разумное было бы уйти домой, согреться, выпить стаканчик чего-нибудь и посидеть вечерок у компьютера. А потом лечь спать и нормально выспаться. Так надоела эта ночная работа. Да только ведь Алекс опять станет орать, что я бездельник и сижу на его шее. Еще не понятно, кто на чьей шее сидит, в иной вечер я зарабатываю больше, чем он за неделю. А то еще и руки распускать начнет. Последнее время он все чаще позволяет себе опускаться до рукоприкладства, а уж за оскорблениями и вовсе в карман не лезет. Послать бы его куда подальше, но страшно опять оказаться одному.

Вот и стою под пролетом моста; дождевые капли на меня не попадают, но промозглый, влажный ветер пробирает холодом почти до костей. И никуда от него не спрятаться; он гудит под аркой, словно в аэродинамической трубе, ерошит воду в Блисе, бросает прямо в лицо противные колющие брызги.

Пахнет дождем и отцветающей сиренью. Повсюду на мокром асфальте плещутся глубокие разноцветные лужи, отражающие и опрокинутые в них темно-зеленые кроны деревьев, и яркий горизонт. И лунный свет далеких фонарей, теплящихся блекло-зелеными звездами где-то в быстро темнеющей глубине городского парка.

О городском парке, одним концом примыкающем к вокзалу, а другим выходящим на набережную, стоит рассказать особо. Днем по его аккуратным, присыпанным мягким хрустящим гравием дорожкам прогуливаются почтенные пенсионеры (которых мы с Алексом за глаза ласково именуем «гитлерюгенд») и чадолюбивые бургерши с колясками. А по вечерам здесь работают местные «штрихеры». Вы не знаете, кто такие «штрихеры»? То же самое, что по-русски хастлеры... Ах, это английское слово? Извините, не знал. По части образования у меня неважно, увы! В школе когда-то учил французский, без особого, впрочем, успеха. Ну, да все равно, ни «штрихерами», ни «хастлерами» они себя не называют, а говорят просто «мальчики». Мальчики, которые оказывают сексуальные услуги за деньги. Не женщинам, а гомосексуалистам.

Но я кривлю душой, говоря о штрихерах «они». Мы, конечно. Потому что я — один из них. Только я никогда не околачиваюсь вместе с остальными ни на вокзале, ни в парке, а стою здесь, под мостом через речку Блис. Это место для меня — особенное. А кому надо, тот меня и так найдет. И находят. При самом удачном раскладе человек пять за

ночь (а работаю я обычно часов до двух), но не в такую погоду, разумеется.

Городок наш, Блисвайлер, небольшой, но оживленный. Если вообще применимо это понятие к немецким городкам, где все чинно, аккуратно, прилично почти до абсурда. Где собаки всегда ходят на поводке, дети за ручку, а пешеходы — только по тротуару. Нечто подобное говорит Алекс и хвалит немецкий порядок. А я, родившийся и выросший в таком же городке, только чуть большем по числу жителей, слишком хорошо знаю, что за чопорным, аккуратным фасадом часто скрывается совсем другое.

Процентов семьдесят моей клиентуры — туристы. Особо часто приезжают из соседней Франции; да вот, голландцев тоже не раз встречал. Не знаю, что их сюда влечет, но едва ли наша местная достопримечательность: заброшенные заводские корпуса и гигантские сталеплавильные печи, несколько лет назад переоборудованные в музей индустриальной культуры. И кому придет в голову смотреть на страшные, ржавые чудовища, подобно огромным спрутам, царапающие небо жесткими щупальцами и беспардонно уродующие хрупкую, живую красоту нашего северного пейзажа? Клянусь, ничего более безобразного я в жизни не видел, чем эти, будь они неладны, индустриальные постройки. Но государство их охраняет, и гораздо более трепетно, чем очень красивые древние костелы.

А впрочем, что я, мальчишка-штрихер, с грехом пополам окончивший девять классов, понимаю в культуре?!

О, простите, я, кажется, забыл представиться? Я — Джонни Маверик, эмигрант второго поколения, четыре года из своих девятнадцати проживший здесь, в Блисвайлере. А родился я в Саарбрюккене, в *** километрах отсюда, в семье «контингентных беженцев», как у нас называют евреев, приехавших из бывшего Советского Союза. Но о детстве своем я расскажу как-нибудь в другой раз, а для начала хочу описать вам настоящую достопримечательность нашего городка. Не памятники индустриальной культуры и не выработанные угольные шахты. Не привокзальный парк, в котором снимаются штрихеры, и я в том числе. В этом тоже, поверьте мне, любопытного мало. Занятие, как занятие, больших денег не приносит, но на жизнь хватает.

Работаю — изредка у клиентов на квартирах, иногда в машинах, запаркованных на стоянке неподалеку, а чаще всего прямо здесь, под мостом. А что? Место уединенное, и ближайший фонарь в двух десятках метров. Зимой правда зябко бывает, да зимы не очень суровые у нас. Хотя околачиваться морозной ночью на ледяном ветру, и еще у самой воды — радость небольшая. Я стою под пролетом моста и, едва удерживая в окоченевших пальцах кусочек угля, царапаю поверх разноцветных граффити знакомые с детства русские буквы. Стихи. Иногда свои, но чаще — чужие. Высоцкого, например, «Мы больше не волки...». И знаю, что их никто никогда не прочтет. На следующий вечер придут подростки с баллончиками, и поверх накарябанных мной строчек ляжет свежий слой краски. Пусть. Я пишу не для того, чтобы кто-то читал. Так же, как и этот дневник. Мне не нужны читатели, потому что я знаю, им всем на меня глубоко наплевать. Почтенным бургерам и бургершам. Исплобленным чувствам собственного достоинства «гитлерюгендам». Французам, этим ничтожным пожирателям лягушек и прочей нечисти. Длинноволосым подросткам в припущенных джинсах, малюющим на пустых городских стенах бесчисленные сюжеты из дешевых японских аниме, витиеватые эмблемы спортивных клубов и жирно перечеркнутые свастики. Я не хочу, чтобы они читали. Чтобы про-

бегали строчка за строчкой равнодушными взглядами мои мысли, мои стихи, мои разочарование и боль. И именно поэтому я пишу по-русски.

О, нет, мне совсем не нравится, то, что я делаю, и никакого удовольствия я не получаю, ни морального, ни, простите, физического. Просто растрачиваю свою жизнь попусту, грубо, пошло и бездарно. Стыдно, ведь я не ауслендер какой-нибудь («ауслендер» — нем. «иностранец», в эмигрантском сленге имеет уничижительный оттенок), у меня немецкий паспорт есть. Знаю, что надо бросить махать дурью и пойти куда-нибудь учиться, получить профессию. Иначе чем я, спрашивается, буду заниматься после тридцати? Штрихер, он ведь, как стюардесса. Как переваляло за третий десяток — все, отлетал. А ведь это еще не старость! Знаю также, что с каждым пробежавшим годом все труднее будет вернуться к нормальной жизни, что человек втягивается во что угодно и к чему угодно привыкает; а драгоценное время, между тем, уходит, и назад его не вернуть. Но... пока все мои благие намерения остаются благими намерениями, а планы — планами. Пока мне девятнадцать лет, и лето еще только начинается, и в парке отцветает сирень, осыпаясь на мягкий газон крошечными бледно-фиолетовыми звездочками. И моросит мелкий, не по-июньски холодный дождь.

А я стою под мостом через речку Блис и, поскольку клиентов все равно нет и делать нечего, рассказываю вам историю своей жизни. Вам? Да нет, самому себе, потому что знаю: никто этого никогда не прочтет. Даже Алекс еще ни разу не заглянул в мой дневник, хотя тот и валяется у него прямо под носом. И вовсе не из деликатности, нет. Как раз таки деликатность моему сожителю и другу абсолютно чужда, просто ему, как и всем остальным, глубоко наплевать на то, что творится в душе у Джонни Маверика. Деньги домой приносит — и ладно.

Но постойте, я все время сбиваюсь с мысли. А ведь хотел рассказать о достопримечательностях нашего маленького городка.

Так вот, главная достопримечательность Блисвайлера — это речка Блис. Хотя ни туристы, ни местные жители ничего примечательного в ней не видят. Река, как река. Темно-свинцовая, в глубине почти непрозрачная, и слегка грязная на первый взгляд. Но это не так. На самом деле в Блисе очень чистая вода. В ней даже живут рыбки, и иногда, когда солнце теплой желтизной подсвечивает песчаную отмель, можно увидеть, как на мелководье, у самой кромки суши крохотными серебряными искорками резвятся мальки.

Осенью вниз по реке яркими пятнами плывут опавшие листья, а ранней весной — всякие щепочки, дощечки, сломанные веточки, сухие травинки и прочий сор. Наверное, где-то далеко, в верховьях Блиса сходит снег, и талая вода с берегов приносит с собой весь этот мусор. Но у нас снега почти не бывает, а река никогда не покрывается льдом, даже в самые холодные зимы, когда столбик термометра падает до отметки минус пять градусов.

В любое время года вода в Блисе всегда одинаково холодная и странная на ощупь, а если опустить в нее ладонь, то чувствуешь легкое головокружение, словно от прикосновения к чему-то нереальному. Река одна и та же, и в то же время каждую секунду — другая. Стоит только погрузиться взглядом в ее ласковую, мутно-светящуюся глубину, и кажется, будто плывешь вместе с этой водой, точно щепка или осенний лист, подхваченный безжалостным течением.

Редкие серебряные пряди дождя, непрерывно мельтешащие перед глазами, и стремительно сгущающийся тепло-се-

рый полумрак скрадывают очертания предметов, делают контуры расплывчатыми, а формы — нечеткими. Но и в ясные дни над Блисом все равно клубится легкая, похожая на туман, белесая дымка. Туман, который никогда не рассеивается и не позволяет как следует рассмотреть противоположный берег. Лишь в общих чертах: пологий лесистый холм, опоясанный желтой змейкой петляющей по склону дороги, и маленький поселок у самого подножья. Обычный с виду немецкий поселок. Тонущие в мягких облаках зелени аккуратные белые домики. Над красными черпичными крышами бледно-фиолетовыми колечками вьется дымок. А по вечерам, вот как сейчас, в опускающихся сумерках, яркими серебряными звездочками зажигаются на том берегу далекие фонари, и тускло вспыхивают желтые квадратики освещенных окон. Там живут люди! Какие? Я не знаю, и никто не знает, потому что никто еще там никогда не бывал. Уж в чем-чем, а в этом я абсолютно уверен. А все дело в том, что на другой берег речки Блис невозможно перейти. Я пытался, и не раз, а первые месяцы моей жизни в Блисвайлере по нескольку раз каждый день. И все попытки оканчивались ничем. Доходишь до середины моста, и тут тебя как будто разворачивает, но так ловко и незаметно, что и почувствовать ничего не успеваешь. Только что шагал по направлению к противоположному берегу, а в следующий момент уже идешь назад, в ту сторону, откуда пришел. И так каждый раз, хоть целый день броди по мосту, все равно вернешься в исходную точку.

Наверное, вы думаете, что нас день-деньской осаждают ученые мужи с мировыми именами, пытающиеся объяснить, понять, разложить по полочкам сей таинственный феномен? Что о нашем чуде пишут в газетах и толстых энциклопедиях? Ничего подобного! Я думаю, что о странных свойствах моста через Блис не знает никто кроме меня. Что никто, кроме меня, до сих пор и не пытался перейти на ту сторону. Нормальному обывателю нет ведь дела ни до загадок природы, ни до людей, живущих на другом берегу. Только я, единственный в городе чужак, ходил по мосту туда и обратно, десятки, сотни раз; а вернее, только «обратно», потому что попасть «туда» так и не смог. Наверное, можно было бы попробовать перебраться через Блис вплавь... не такой уж он и широкий. Но я не умею плавать. А если бы и умел, никогда бы не рискнул войти в его странную серую воду, от одного прикосновения к которой мурашки бегут по коже. Она не отпустила бы меня больше, эта вода, и на другой берег не пустила бы, и назад не вернула. А спеленала бы по рукам и ногам, затянула в воронку, утащила на дно. Я знаю, так бы оно и было.

Есть в этой реке нечто, внушающее, если не страх, то молчаливое уважение, по крайней мере. Уважение, да.»

Глава 2

Джонни Маверик вернулся домой в два часа ночи — мокрый и продрогший, как осенний лист на ветру — на целый час раньше обычного. Конечно, Алекс был уже дома, как всегда, раздраженный, задерганный и злой. Он уже шестой месяц работал в маленьком русском ресторанчике, играл там на синтезаторе или Бог его знает, на чем; часа три в день, за жалкие гроши. Так что, если бы не чуть более приличный заработок Джонни, оба просто не смогли бы свести концы с концами. А вы как думали? Жизнь стала дорогой, за одну только сорокаметровую двухкомнатную квартиру на чердаке пятиэтажного дома, в так называемом «скворечнике», приходилось ежемесячно отстегивать приличную сумму, плюс расходы на воду, газ, электричество и

прочее. А ведь еще и есть что-то надо? И одеваться, пусть не по последней моде, но и не в лохмотьях же ходить. Тем более, что с людьми приходится работать. Ну, и интернет, разумеется, куда же без него.

К счастью, в отличие от предыдущего любовника Джонни, с которым тот расстался два года назад, Алекс не выкуривал по пять пачек сигарет в день; если и употреблял алкоголь, то в меру, а главное — не водил домой всяких странных типов, часто целыми компаниями. О, тот парень был турком, и в их совместном жилище постоянно тусовались его земляки. После их визитов, продолжавшихся нередко далеко за полночь, квартира выглядела, как бордель после погрома. По-немецки аккуратный Джонни терпел почти четыре месяца, а потом собрал вещи и ушел к тридцатилетнему русскому немцу Алексу, которого «подцепил» на устроенной русским клубом «Земляки» вечеринке для русскоязычной молодежи. И задержался у него на целых два года. Любил ли Джонни Алекса? В этом Маверик никогда не признался бы даже самому себе (из гордости, конечно, почему же еще?), но скорее всего, да, любил. Потому что уйти уже больше не мог. И это несмотря на редкостное умение его партнера быть черствым, нечутким, равнодушным, бестактным просто до неприличия, а иногда — и очень—очень жестоким.

Конечно, если бы не постоянные финансовые пролемы, все могло бы выглядеть не так уж и плохо. И если бы не профессиональная проституция, которой Джонни зарабатывал им обоим на жизнь, и из-за которой его друг относился к нему с некоторой долей брезгливости. И, наконец, если бы не личная нереализованность самого Алекса, приехавшего в страну семь лет назад из какой-то сибирской «тмунтаракани», но так и не нашедшего применения своим многочисленным талантам. Говорящего по-немецки хотя и бегло, но на диалекте, плохо понимаемом местными жителями. Хронически безработного, да еще и сожительствоющего с мальчишкой-штрихером типично семитской наружности, который продает себя за двадцать евро в привокзальном парке.

Так стоит ли удивляться, что по-своему неплохой немецкий парень Алекс чувствовал себя невостремленным и горькое свое разочарование вымещал на ни в чем не повинном партнере?

Хорошо зная музыкальные способности своего друга, Джонни предполагал, что русский рестораник, в коем тот якобы играл на синтезаторе, специализируется исключительно на обслуживании глухонемых клиентов. В крайнем случае, пенсионеров, потерявших слух по причине преклонного возраста. В противном случае Алексу уже давно набили бы морду и вышвырнули с позором на улицу. А может быть, врал он про музыку, а на самом деле мыл грязную посуду в том же ресторанике, работал официантом или нарезал овощи. В общем, одному Богу известно, с чем ему там приходилось иметь дело; но возвращался он каждый раз замотанный, угрюмый и злой на целый мир. В такие вечера, а точнее ночи, ему лучше было не попадаться под горячую руку.

Джонни тихо разулся в тускло освещенной прихожей; ботинки были полны воды — на обратном пути он угодил таки под проливной дождь. Прошел в комнату и аккуратно повесил свою насквозь промокшую куртку на спинку стула. Комната служила одновременно гостиной, столовой и кабинетом, потому и мебель в ней громоздилась всякая-разная. Плюшевый, песочного цвета диванчик и кресло у окна, обеденный стол из какого-то светлого дерева и два более

темных стула с плетеными сидениями. Стенка с телевизором, застекленной витриной и открытой полкой, на которой сиротливо ютились несколько книг. И, конечно, компьютер, на отдельном столике, в углу, напротив входа. Телевизор выглядел антикварной редкостью, а предметы обстановки не сочетались друг с другом. Джонни это поначалу раздражало, и он пытался по каталогу подобрать более подходящую и не слишком дорогую мебель, чтобы навести, наконец, в квартире уют. А потом махнул на все рукой. Когда жизнь не складывается и любимый вместо нежного поцелуя приветствует тебя оплеухой, перестаешь думать о том, что стол отличается по цвету от стула.

Алекс уже почти дремал перед включенным телевизором, полулежа на диване с пультом дистанционного управления в руке.

— Привет! — негромко поздоровался Джонни, опасаясь напугать друга внезапным окликом.

Но тот сразу же открыл глаза, встал и, молча приблизившись к вошедшему, протянул руку. Маверик порывлся в карманах, извлек оттуда две скомканные двадцатиевровые купюры и так же молча подал их Алексу.

— И это все? За весь вечер? — Алекс удивленно и недоверчиво вскинул брови.

Джонни слегка вздохнул, виновато отводя глаза.

— Извини... Сегодня почти никого не было. И не только у меня. Многие мальчишки, вообще, остались дома. Посмотри, ветер, дождь... Хозяин собаку на улицу не выгонит, — добавил он, в тайне гордясь знанием русских фразеологизмов.

Но на Алекса уловки не действовали; взгляд его стал холодным и колючим, а мышцы правой руки чуть заметно напряглись, что, конечно же, не укрылось от внимания испуганно сжавшегося Джонни.

— Тебя никто не заставляет трахаться с собаками. Что ж ты вернулся так рано? Еще только полвторого.

— Нет, два, — Маверик не успел увернуться, и удар Алекса едва не сбил его с ног.

Из разбитой губы закапала кровь, а глаза Джони наполнились слезами. На мгновение он застыл, поднеся руку к лицу, и как будто даже силился что-то сказать. Но только затравленно взглянул на обидчика, а потом резко схватил со стула свою мокрую куртку и бросился вон из комнаты.

— Эй, ты куда? — подозрительно осведомился Алекс.

— Пойду, утоплюсь в Блисе!

— Стой, псих, вернись. Садись за стол, я сейчас сварю тебе кофе.

Джонни послушно вернулся и сел, закрыв лицо руками. Его все еще трясло... от холода, а, может быть, и не только. Алекс презрительно покосился на него и скрылся на кухне, а минут через пять вошел в гостиную с двумя чашками черного кофе. Одну пододвинул другу, а со второй на коленях устроился в кресле, у окна. Расслабленно отхлебнул густой, горько-сладкий напиток; с мрачным удовольствием прислушиваясь к шороху тяжелых капель, гулко бьющихся, точно сонные жуки, о металлический карниз. Действительно, погода дрянь, ну и лето выдалось. Зря ударил мальчишку, он ни в чем не виноват. Уж если кому приспичит, он скорее доплатит пару десятков евро и закажет шлюху по телефону, а не попрется в дождь снимать уличного штрихера.

— Джон, — сказал Алекс очень серьезно. — Если ты будешь плакать, я сейчас избью тебя по-настоящему.

Джонни отнял от лица запачканные кровью ладони, сглотнул слезы и дрожащей рукой потянулся к своей чашке.

— Что за извращение пить кофе по ночам? Опять до утра будет бессонница мучить, — заметил он с легкой гримасой отвращения. — Лучше бы глинтвейна немножко, чтобы согреться. Не знаешь, у нас не осталось?

Алекс, у которого проблем со сном не было, равнодушно пожал плечами. Еще через пятнадцать минут инцидент был благополучно забыт.

Действительно, заснуть сразу Джонни в ту ночь не удалось. Он долго ворочался, вздыхал, смотрел отрешенным взглядом в потолок, считал блестящие дорожки, прочерченные на оконном стекле дождевыми каплями и подсвеченные зеленоато-лимонным сиянием молодого лунного серпика. Около трех часов ночи дождь перестал и тучи разошлись. Тени стали отчетливее, а луна ярче, но сон не шел, вместо этого в голову лезли всякие мысли, навязчивые, точно навозные мухи. Маверик лежал в темноте с широко открытыми глазами и думал: об Алексе, раздающем несправедливые побои, об оставшихся в Саарбрюккене матери и отчине, которых он не то чтобы ненавидел, а втайне винил во всех своих злоключениях. От них он убежал четыре года назад, не желая признаться, что убежать пытается от самого себя. И о чем еще только не думал. Даже о своих клиентах, большинство которых он давно знал в лицо. Хотя не старался запоминать их лица; в конце концов, его работа чаще всего сводилась к простым физическим манипуляциям. За исключением случаев, когда клиент уводил его к себе и заставлял играть в ролевые игры, иногда — исключительно идиотские, а иногда — откровенно жестокие. Таких страдавших ненормальной фантазией типов Джонни не любил и боялся. Тем более, что газетные полосы каждый день пестрели сообщениями о маньяках, людоедах и прочих отморозках с безнадежно неадекватной психикой. И как те заманивают ничего не подозревающих мальчиков и девочек в свои логова, машины, ближайшие лесонасаждения, и там пытаются, насилуют, расчленяют на куски, кастрируют, поедают живьем... словом, издеваются, как могут.

Да еще Алекс, словно на грех, имел дурацкую привычку зачитывать эти заметки своему другу по утрам, за завтраком. И как тут будешь спать ночами?

Поняв, что глаз ему не сомкнуть до самого рассвета, Джонни со вздохом встал, накинул махровый халат на голое тело — ночь была прохладной, а из приоткрытой форточки неприятно тянуло сквозняком — и безшумно выскользнул в гостиную. Остановился в раздумьи посреди комнаты, прикидывая, чем бы заняться, чтобы хоть как-то убить оставшиеся ночные часы. Посмотреть телевизор? Даже тихий звук мог разбудить Алекса, и тогда Маверика ой как не поздоровилось бы. Оставалось либо почитать книжку — а читать Джонни любил — либо включить компьютер и побродить по интернету. Маверик выбрал второе.

О, интернет, кто тебя выдумал? Есть некая таинственная магия в том, чтобы выходить на чужие страницы, чаты, форумы, выискивая там мысли, созвучные твоим, но высказанные людьми, живущими в тысячах километров от тебя. Людьюми, к которым ты не осмелился бы подойти на улице. Или которые не пожелали бы даже говорить с тобой, а только с презрением отвернулись, а то и в лицо бы плюнули. Которым ты, будь они твоими соседями по лестничной площадке, намазывал бы дверь мелом, а то и чем похуже, и кидал бы что-нибудь несъедобное в суп, живи они с тобой под одной крышей. А тут ты им просто напишешь: «Привет!», и вот вы уже друзья. Странная все-таки вещь — виртуальное общение. Странная и замечательная. Потому что,

сколько бы масок ты на себя не надел, а человеческой своей сути все равно не скроешь.

А открыть собственный почтовый ящик в ожидании... чего? Чуда? Может ли что-то сравниться с восхитительными, полными затаенной надежды секундами, проходящими между робким кликом на голубой конвертик «Оутлук Экспресса» и появлением в углу экрана сакраментальной надписи «Новых сообщений нет»?

Джонни включил компьютер и первым делом полез в свой почтовый ящик, который, естественно, оказался пуст. Ничто и никогда не приходило на Богом забытый адрес электронной почты, кроме навязчивых рекламных объявлений. Пожав плечами, Маверик принялся бродить по любимым страничкам: «Гей Ромео», «Семь сорок» или центральный еврейский ресурс, «Крайон.ру» и «Крайон.де». Оба «крайона» претензиозно именовались «сайтами работников света». И, хотя наш герой ни в коей мере не причислял себя к последним, читать рассуждения странных людей на странные темы ему нравилось. И еще один литературный портал, на котором Джонни под разными никами размещал свои стихи. Но какой бы ник он себе не выбирал, мужской или женский, эпатажный или не очень, его графоманские шедевры все равно никто не читал... увы... а так хотелось хоть с кем-то поделиться тем, что накопело на душе. Разумеется, он не сочинял стихов ни про то, как его трахают под мостом клиенты, ни как бьет почем зря любовник. Стыдно было бы писать про такое. А воспевал Маверик в своих бездарных виршах красоту родного Блисвайлера, и весеннее половодье, и сладкое цветение сирени в привокзальном парке. И запах гари, разлитый в прозрачном, как янтарь, морозном воздухе, когда выходишь солнечным утром из дома, а отраженный от обледеневшей мостовой свет слепит глаза и под ногами хрустит тонкая корочка инея. Немцы топят печки, и из торчащих прямо в сверкающее небо труб зыбкими струйками вытекает горячий дым, и тут же исчезает, рассеивается в чистой голубизне, превращаясь в крошечные, острые снежинки.

Вот о чем писал Джонни Маверик, а еще о мутно-серой, полускрытой светящимся туманом и всегда холодной речке Блис. И о мосте через нее, который на самом деле и не мост вовсе, потому что перейти на другую сторону по нему нельзя... а что-то вроде радуги — мираж, обман, призрак. И кто же будет про подобные глупости читать?! Вы бы стали?

Джонни покинул литературный портал и продолжил виртуальное путешествие уже по совсем незнакомым адресам, выходя на них через поисковую машину «google». Попал на какой-то русский чат и, нехотя пробега глазами сообщения неизвестных пользователей, вдруг споткнулся на последнем, не имеющем ничего общего с обсуждаемой в чате темой (а дискутировались подробности частной жизни одного малоизвестного американского актера). Написанном сумбурно и скомканно, с опечатками. «Это последний день моей жизни. Я больше не могу выносить это отчаяние... эту пустоту, которая в тысячу раз хуже смерти. Простите меня, родные мои, я не хочу делать вам больно, не хочу предавать, как когда-то предали меня, я просто больше не могу...» И все, многоточие в конце, и никакой подписи. Джонни напряженно вглядывался в слабо мерцающий экран. Это чья-то шутка? Глупый розыгрыш? Провокация?

Или крик отчаяния, брошенный в пустоту, в безликую всемирную паутину, в надежде, что кто-то услышит?

Что за незадачливый самоубийца станет помешать предсмертную записку в какой-то идиотский чат?

Но Маверик об этом не думал, а пальцы его уже забегали по клавиатуре, торопливо отстукивая: «Подожди. Не делай этого. Давай поговорим. Вещи не всегда такие, какими кажутся. Не спеши покидать этот мир, он прекрасен. В нем очень много радости. Я не знаю, что у тебя случилось, но, поверь, у тебя все еще будет и будет хорошо. Напиши мне.» И добавил в конце поста свой электронный адрес. Потом подумал немного и, вспомнив кстати мудрого библейского царя, приписал: «Все проходит, и это пройдет». А потом надавил на «отправить».

Что еще сказать, чтобы удержать кого-то неизвестного от рокового шага, Джонни Маверик не знал, и не будем судить его за это строго. Он не был психологом, а просто девятнадцатилетним мальчишкой, и опыта общения с людьми, находящимися в кризисных состояниях, не имел.

Что побудило его обратиться к незнакомому человеку на «ты»? Расхожее заблуждение: тот, кто озвучивает мои мысли, должен быть похож на меня. Такой же молодой парнишка, запутавшийся в слишком серьезных для его детской, в общем-то, души проблемах; несчастный одинокий, непонятый. И кто из нас в юности не чувствовал себя таким?

Со вздохом облегчения Джонни выключил компьютер. Он сделал все что мог, и дальнейшее от него уже не зависело. У него появилось чувство, что теперь он сможет, наконец, уснуть.

И точно, стоило его голове коснуться подушки, как он тут же провалился в сон, благословенный, пустой, темный, как крепко запертая комната без окон. Но Маверик не боялся темноты, а боялся, наоборот, включать в этой комнате свет; слишком много печального и страшного находилось в ней. Слишком много такого, чего Джонни не хотел видеть.

Но в ту ночь ему ничто не снилось, и он проспал до двенадцати часов дня, пока его не растолкал вконец потерявший терпение Алекс.

Глава 3

Они позавтракали только в половине первого, в то время, когда добропорядочные немецкие бургеры обычно садятся обедать. Хорошо, как никогда, выпавшийся Джонни пил черный кофе, очень крепкий и очень сладкий, и, щурясь от стекавшего по вымытому вчерашним дождем оконному стеклу солнечного света, радовался новому дню. А Алекс, уткнувшись носом в газету, меланхолично жевал сэндвич, и по его гадкой ухмылочке нетрудно было предположить, что на просторах родины опять дело дрянь.

«Джонни, послушай, — Алекс широко улыбнулся, а Маверик страдальчески сдвинул брови: ему не хотелось слушать газетную статью; но его друг уже читал вслух заметку о двух извращенцах из Майнца — точнее из Майнца был только один, инженер-электрик, а второй, программист, из Бохума — которые познакомились на гей-чате и договорились о личной встрече. Что было бы само по себе и не плохо, потому что кто ж не знакомится сейчас по интернету? Но те двое сговорились о деле дурном и недостойном. И когда программист из Бохума приехал в гости к инженеру-электрику в Майнц, то по обоюдному согласию радушный хозяин его кастрировал, после чего они вместе подвергли отжужденный орган кулинарной обработке... и съели. Также вместе. Потом гостеприимный инженер своего нового знакомого убил, разрубил на куски, а мясо положил в холодильник. Чтобы весь последующий месяц пировать уже в одиночестве.

— Алекс!!! Что за бред ты читаешь?! — не выдержав, взмолился Джонни. — Ну как тебе самому-то не стыдно?

— Здесь так написано, — невозмутимо пожал плечами Алекс, — а, значит, так оно и было. Профессиональные журналисты не станут лгать.

— Журналисты врут, как лошади! Не могло ничего подобного быть, просто не-мог-ло! Выкинь ты этот идиотский «Бильд» ко всем чертям!

— Это не «Бильд», — обиженно возразил Алекс. — А «Саарбрюккен Цайтунг», серьезная газета, между прочим. А в жизни, Джонни, бывает и не такое. У меня бабушка была психиатром, и еще не то рассказывала. Газетчикам и не приснилось бы. Человеческая психика — очень тонкая штука, ломается легко. Хорошо, если это сразу бросается в глаза... А бывает — нормальный с виду человек, ничем особо не выделяется... и никто не догадывается даже, насколько бесповоротно у него съехала крыша. И он способен уже сделать что-то страшное с собой или с другими. Тот мужик, — добавил Алекс, имея в виду жертву, — был серьезно болен.

— Однако это не причина его убивать, — запротестовал Маверик. — Это очень хорошая история, Алекс, но ты уверен, что ее обязательно нужно читать за завтраком? Я хочу просто спокойно поесть и не слушать про всяких маньяков, психов и свихнувшихся извращенцев. У меня от такой дряни кусок в горло не идет. Пожалуйста, очень тебя прошу, читай свою гадкую газету, как бы она не называлась, про себя!

— Про меня здесь ни слова не написано, — усмехнулся Алекс.

— Ничего, скоро про меня напишут! — выпалил Джонни и тут же прикусил язык, испугавшись того, что сказал.

Как ни странно, Алекс не стал смеяться, а только пристально взгляделся во внезапно побледневшее лицо друга и уже совсем другим тоном произнес:

— Джон, не бери в голову, все будет нормально. Ты просто постоянно что-то такое выдумываешь. Не знакомься по интернету, и ничего плохого с тобой не случится.

— Алекс, ну, как ты не понимаешь, что не в интернете дело, — Маверик чувствовал, что его голос дрожит, и злился на себя за это. Руки тоже дрожали так сильно, что чашку пришлось поставить на стол, чтобы не расплескать кофе. — Моя профессия связана с постоянным риском. Уж кому и стать жертвой маньяка, если не мальчишке-штрихеру? Тебе легко рассуждать, ты все время на виду, а я стою под мостом, совсем один, уж не говоря о случаях, когда приходится садиться в чужие машины или ехать к кому-то домой.

— Глупости, — нетерпеливо перебил Алекс. — Ерунда. Городок у нас небольшой, и все друг друга знают. Даже туристы приезжают одни и те же. Не ходи с теми, кто не внушает доверия, ты не обязан, и никто не может тебя к этому принудить. А если что вдруг — кричи, тебя услышат. Ничего нет в твоём занятии опасного, главное, не забывай про резинку, чтобы не подцепить, какую-нибудь гадость, и все будет окей.

— Ты меня за полного идиота принимаешь? — возмутился Джонни.

У него пропало желание спорить, и не стал он говорить Алексу, что часто, особенно в плохую погоду, задерживается в плохо освещенном ночном парке дольше других, и остается в полном одиночестве, когда кричи — не кричи, все равно ни одной живой души рядом нет. Да и так ли трудно заставить человека замолчать, так что и вскрикнуть не успеешь? Совсем не трудно, и Маверик это прекрасно понимал, но он промолчал и ничего не сказал другу, а просто до-